

УДК 165.19

**ЭВРИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ
«СОБЫТИЕ» В КОМПАРАТИВИСТСКОМ
АНАЛИЗЕ МИФА И НАУКИ**

П.Б. Тычкин

Томский политехнический университет

E-mail: medved2912@mail.ru

Тычкин Павел Борисович,
ст. преподаватель кафедры
философии гуманитарного
факультета ТПУ.

E-mail: medved2912@mail.ru

Область научных интересов:
философия науки, проблема
взаимодействия научных и
внеаучных форм мышления,
философия мифа.

Осуществлен анализ концепта «событие» в контексте проблемы соотношения онтологии мифа и науки, на основании обращения к теории самоорганизации показана значимость категории события как смысловой единицы, репрезентирующей эвристический потенциал корреляции мифа и современной постнеклассической модели науки.

Ключевые слова:

Событие, миф, постнеклассическая наука, случайность, самоорганизация.

Экспликация форм и моделей корреляции мифа и науки требует нахождения методологического принципа (принципов), на основании которых она будет осуществляться. Указанная задача довольно затруднительна, так как в ситуации отсутствия сложившегося универсального методологического аппарата как в изучении мифа, так и, тем более, проблемы его взаимодействия с наукой, выбор какого-либо критерия неизбежно приведет к определенной ограниченности области выводов, претендующих на гносеологическую легитимность. Однако такая ситуация содержит и перспективный аспект, поскольку создает условия для выбора, не подверженного избыточному влиянию какой-либо господствующей онтологической и методологической схемы.

Традиционно в компаративистских исследованиях мифа и науки в качестве базовых элементов выступают категории, с одной стороны, являющиеся универсальными онтологическими концептами, обуславливающими построение макрокартины мира в целом; с другой стороны, такие категории позволяют осуществить сравнительный анализ на более утилитарном уровне и конкретном материале. Несмотря на кажущуюся «архаичность» использования таких критериев, они сохраняют актуальность именно в силу своей универсальности, позволяющей реализовать их с применением новых современных методологических подходов и познавательных стратегий (В данном случае классическая «брита Оккама» реактуализирована в полной мере).

Одной из центральных среди указанных базовых элементов компаративистского анализа выступает категория события, фундируемая, в свою очередь, модальностью понимания концепта времени. Восприятие времени и изменчивости в мифе характеризуются фиксацией отдельных действий, фрагментов, «узлов отношений», определяющих те или иные состояния дел в настоящем, формирующих ткань синкретической универсальной картины мира. В первую очередь речь, идет о дискретном характере времени и событий, в нем происходящих (несмотря на то, что, строго говоря, главным образом такая дискретность есть особенность священного времени, мы распространяем указанную дефиницию на категорию времени в мифе в целом, поскольку вне связи со священным профанное время не мыслилось). В данном случае дискретность должна пониматься как уникальность определенных фрагментов времени, содержащих законченное событие (архэ). Такие фрагменты могут быть связаны, но не в системе «общего» гомогенного понятия времени, а в логике «очевидной необходимости» такой связи, не обусловленной универсальным временным критерием. Помимо этого, архэ, представляя собой архетипическое прасобытие, не содержится в прошлом, оно присутствует во всех привычных для профанного времени измерениях, определяя настоящее.

О дискретности времени в мифе пишет Э. Кассирер, констатируя тот факт, что в мифе «отдельные отрезки времени сами по себе обладают качественной формой и качественным

своеобразием, самостоятельной сущностью и действенностью. Они образуют не просто равномерный, чисто экстенсивный ряд, но каждому из них присуща интенсивная наполненность, в силу чего они оказываются сходными и несходными, гармонизирующими или противоречащими друг другу, дружественными или враждебными... Мифу чуждо разделение отдельных временных ступеней и включение их в одну единую жесткую систему, где каждому событию отводится одно и только одно место... также не удастся обнаружить разделение времени на четко разграниченные временные ступени – на прошлое, настоящее и будущее, – напротив, то и дело сознание поддается тенденции и искушению нивелировать эти различия, более того, переводить их в конце концов в полное тождество» [1. С. 122].

Подобно тому, как необратимость и синхронность профанного времени мифа связана с уникальностью архэ времени священного, определяющего событие настоящего, процессы, происходящие в субатомной физической реальности, несмотря на свою дискретность и противоречивость, определяют гомогенность времени в макром мире. Миф, изначально основываясь на видении отдельного результата действия и апеллируя в первую очередь к непосредственному локальному чувственному впечатлению как отдельной точке настоящего времени, впоследствии постепенно уходит из «эмпирического» плена сиюминутных действий и начинает усматривать в наборе событий определенную закономерность, формирующую впоследствии гармоничную картину универсального миропорядка, базирующуюся на идее вечного круговорота (и, следовательно, Времени) [1. С. 124].

Событие в мифе является одной из фундаментальных составляющих, поскольку оно во многом представляет собой основной элемент логики мифологического мышления. Отдельные события и событийные структуры в мифе образуют симбиоз, в рамках которого преодолевается разрыв между профанным и сакральным временем. Будучи смысловой единицей всей структуры мифа, событие задает модус действий субъектов и развертывания процессов в определенном направлении и последовательности. «Определенность» такой последовательности в мифе никоим образом не зависит от линейной темпоральности, «прерывность мифического времени сказывается всего отчетливее в том, что события, о которых рассказывается в... мифах, следуют друг за другом только в той мере, в какой одно из них – непосредственный результат другого, вытекает из него, обусловлено им, но никогда не потому, что одно из них произошло в какой-то отрезок времени, предшествовавший тому, в течение которого произошло другое. Если между событиями, о которых рассказывается в двух разных мифах, нет явной причинно-следственной связи, то обычно неясно, в каком из этих двух мифов рассказывается о более ранних событиях» [2]. Более того, время мифа зачастую не существует вне событийности, поскольку имеет смысл лишь при описании какого-либо события, несущего смысловую нагрузку [2]. В этой связи категория события в мифе, с одной стороны, во многом фундирует дискретность времени в классическом линейном варианте его понимания. С другой стороны, это не означает отсутствия какой-либо логики, связывающей события в процесс. Событийность мифа, изначально характеризующаяся фрагментарностью, тем не менее, в дальнейшем складывается в определенную систему действий, в мифе «существует сквозная связь, подлинное каузальное сочленение всего, что в результате пространственной близости или некоторой – пусть совершенно внешней – соотнесенности признается «относящимся к одному и тому же» [1. С. 65].

Таким образом, событие в мифе является и дискретным образованием, выходя за рамки линейной временной последовательности (в силу огромного разнообразия причин и условий, такое событие породивших и, следовательно, обуславливающих его уникальность), и параллельно включено в Историю посредством своей соотнесенности с другими событиями. В этой связи мы можем вести речь о том, что холистский характер мифологического образа мышления обусловлен, в частности, модусом понимания категории события в мифе. Такой модус подразумевает конституирование события в качестве целостного феномена, с одной стороны, завершенного в смысле логической полноты состоявшегося действия, с другой – продолжающегося в различных своих проявлениях в многообразии состояний настоящего (и будущего) и в известной степени определяющего возможный спектр этих состояний. События представляют собой отдельные истории, обладающие статусом первоначала, причем «каждая индивидуальная история, будучи архэ, мифологической первоструктурой и качеством, обладает своей собствен-

ной внутренней последовательностью и содержит в себе существенный элемент, связывающий ее со следующими историями, являясь абсолютом, который нельзя свести ни к чему иному. Именно эти архэ и ничто другое конституируют мифологическое время» [3].

Архэ является событием, влияющим на формирование и функционирование множества действий, качественно взаимосвязанных определенными правилами, заданными этим «прасобытием» (своеобразная «дискурсивная практика» в терминологии М. Фуко) [4]; при этом сценарий развития такой системы многовариантен и пересекается (будучи «открытым») на различных своих этапах с другими системами действия, заданными, соответственно, другими событиями (архэ), что приводит к, образно говоря, «предсказуемой непредсказуемости». Указанные «открытость» и «многовариантность» обусловлены тем, что в модусе мышления мифа «всякое событие вытекает, как правило, не из всего предшествующего, а только из того, что непосредственно предшествует данному событию. В мифе, таким образом, настолько же больше возможностей развития, насколько эти возможности меньше предопределены. Отсюда характерное для мифа развитие действия: резкие повороты, неожиданные превращения, нанизывание событий, непредсказуемых из предшествующего» [2].

Сказанное не означает, что предыдущие события (состояния) не влияют на текущее положение вещей. Речь идет о том, что изначальное событие (архэ) порождает дальнейшие процессы и состояния, анализ которых дает возможность прогнозирования (этот вопрос был подробно рассмотрен в предыдущем параграфе), однако последнее неизбежно связано с вероятностью, стохастичностью в силу тех качеств, которые присущи самой категории события в мифе (единство отдельного и общего, одновременно существующие завершенность и постоянное присутствие в становящемся настоящим и т. д.). Если рассматривать в качестве предельного примера действия архэ какое-либо из божеств мифа, то мы обнаружим и указанную стохастичность, и синкретический характер категории события, выражающийся в одновременно подразумеваемых дискретности данного события как отдельного фрагмента и включенности его в последовательность процессов, образующих универсальный порядок вещей. «Мифологический процесс, – утверждает в этой связи Э. Кассирер, – представляет собой теогонический процесс: процесс, в котором происходит становление самого бога, в котором он, как истинный бог, шаг за шагом порождает себя самого (не зная конечного результата – П.Т.). Каждая отдельная ступень этого порождения, поскольку она может быть осмыслена как необходимый этап, обладает собственной значимостью, однако его полный смысл и подлинная цель раскрываются лишь в целом, в неразрывной последовательности проходящего через все моменты движения мифа. В этой последовательности каждая частная и чем-либо обусловленная отдельная фаза оказывается необходимой и поэтому оправданной» [1. С. 19].

Как и категория времени, концепт события в единстве своих качественных характеристик в контексте мифа обнаруживает ряд коннотаций с дефинициями и смысловой нагрузкой категории события в постнеклассической модели научной рациональности. В первую очередь возможность такой корреляции обуславливается логикой синергетики как одной из теорий, составляющих парадигмальное ядро современной науки.

Теория процессов самоорганизации с необходимостью утверждает событие в качестве одного из своих центральных элементов [5. С. 47]. Это связано с отказом синергетики от понятий строгой детерминированности и обратимости и постулированием вероятности как одного из важных условий самоорганизации. Как следствие, теряет свою актуальность линейное понимание времени и развития, понятие четкой каузальной закономерности уступает место событийности, описываемой в категориях плюральности возможностей, нелинейной логики развития, подразумевающих стохастичность и многовариантность последнего. Нелинейность в данном случае означает постулирование в качестве причины развития появления различных незапрограммированных ситуаций, пересечения отдельных событий и их групп. Точки бифуркации, формирующиеся вследствие таких пересечений, представляют собой события, задающие дальнейшие векторы развития системы. Бифуркационный переход резко меняет направленность процессов, являясь событием, содержащим значимый для системы смысл. Как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «некоторая история стоит того, чтобы о ней поведать, только в том случае, если хотя бы какие-то из описываемых в ней событий порождают какой-то смысл» [5.

С. 47]. Вспомним в этой связи характеристики события в мифе, где какое-либо действие или ситуация играют важную роль постольку, поскольку нагружены смыслом, имеющим значение для развертывающегося процесса (процессов). Нахождение диссипативных структур между различными состояниями можно обозначить как «блуждание» в силу огромной их поливариантности будущего, зависящего как от предыдущих событий, так и от потенциальных аттракторов. Подобно этой модели, процессуальность в мифе сама по себе незначима вне связи с определяющими ее событиями.

В этом контексте необходимо обратиться к понятию «случайности». Комплиментарность модусов понимания категории случайного в мифе и теории самоорганизации основывается на идее сочетания двух параллельно существующих логик. С одной стороны, это отрицание жесткого детерминизма в определении векторов дальнейшей эволюции системы по причине наличия широкого спектра альтернатив. По мнению В.А. Лекторского, роль единичных событий возрастает в переломных точках функционирования систем, когда именно эти события (в отличие от универсальных закономерностей) определяют будущее состояние таких систем [6. С. 58]. При этом в точках бифуркации или рядом с ними система, находясь в крайне неравновесном состоянии, чрезвычайно восприимчива к малым возмущениям, способным привести к серьезным изменениям («эффект бабочки»). Как было сказано выше, такая тенденция характерна и для логики развертывания событий в мифе, в котором «сами причины еще являются предметом совершенно свободного выбора. Здесь еще все может *стать* всем, потому что все может соприкоснуться со всем в пространстве и времени» [2. С. 60]. Частные отдельные события в мифе могут вести к неожиданным последствиям (к примеру, ряд случайностей в цикле мифов о Геракле, приведших к убийствам героем нескольких мальчиков и, как следствие, к рабству; перипетии путешествия аргонавтов, возникающие «просто так» и т. д.). Иначе говоря, «в имажинативном мире существуют только безусловные условия и последовательность непоследовательностей, отвечающие его категориям, (как, например, категория игры и метаморфозы)» [7. С. 20].

Случайность здесь (как и в теории самоорганизации) выступает как «следствие весьма сложного, запутанного, опосредованного многими факторами действия множества причин» [8. С. 162].

Именно поэтому, с другой стороны, конституирование случайности как движущей силы развития не означает провозглашения тотальности индетерминистской установки. Речь идет об обнаружении в процессах самоорганизации «сложного порядка», на микроуровне представляющего в виде хаоса, скопления случайностей, и обладающего качествами сложной структуры на макроуровне [9. С. 681]. Случайность в таком ракурсе перестает мыслиться как отсутствие закономерности и, скорее, выступает в качестве универсального принципа [10. С. 328]. Дело в том, что креативная роль случайности в осуществлении глобальных изменений не поддается описанию в качестве строгой обусловленной закономерности с точки зрения классической науки, но это не означает беспричинности случая [8. С. 163]. Также и в мифе мы, говоря о наличии понятия случайного (в логике детерминизма), в то же время с необходимостью должны признать включенность последнего в четкую систему причинно-следственных связей. Другое дело, что характер этих каузальных зависимостей принципиально отличен от модуса классической научной рациональности. Как было отмечено выше, в мифе всегда существует причина, которая вытекает из очевидной необходимости того или иного действия (ситуации). Отдельные события, порождающие ситуацию альтернативы, в конечном итоге оказываются необходимыми и определяющими элементами всего процесса в целом. Подобная логика определяет и содержание уже упоминавшейся S-матричной теории, в которой многообразие реакций частиц образует непрерывную сеть взаимодействий, характеризующуюся кооперативным эффектом. При этом частица предстает не в качестве локального элемента, а как событие, органично включенное в систему на правах участника.

Еще один аспект изучения категории события связан с идеей первоначала. Многообразие проявлений данной идеи в различных мифологических системах указывает на ее универсальный характер в структуре мифа (в первую очередь архаического). Безусловно, техники «возвращения к истокам» разнообразны как по форме, так и по целям их применения (обряды инициации, лечение больных и т. д.). Однако в конечном итоге важнейшее значение для нас в контексте рассматриваемых вопросов приобретает центральный паттерн – упразднение быст-

ротекущего Времени» [11. С. 84]. Возвращение времени и возвращение во времени в различных своих формах подразумевают в мифе интерактивность позиции, конституирующую мечту об освобождении от тотальности и непреодолимом характере Времени профанного мира (такая позиция, помимо всего прочего, обосновывает статус субъекта как активного начала в рамках не только профанного, но и священного времени мифа. Различные аспекты этого вопроса подробнее будут рассмотрены ниже). Иными словами, Время мифа является сложносоставным континуальным образованием, в котором не только могут сплетаться воедино, *сосуществовать* прошлое, настоящее и будущее, но эти процессы являются следствием модуса поведения и мышления, заданного субъектом, неразрывно вплетенным в синкретическую темпоральность мифического. По мысли Э. Кассирера, «Настоящее, прошедшее и будущее, конечно, в качестве основных черт присутствуют в каждой картине времени – однако настрой и освещение картины меняется в зависимости от энергии, с которой сознание обращается то к одному, то к другому моменту. Ведь для мифологически-религиозного воззрения важен не чисто логический синтез, соединение «сейчас» с «прежде» и «потом» в «трансцендентальном единстве апперцепции», но все зависит от того, какое из направлений языкового сознания станет господствующим по отношению к остальным. В конкретном мифологически-религиозном сознании всегда присутствует определенная динамика чувства – та *различная степень интенсивности, с какой Я отдается настоящему, прошлому или будущему, связывая их в этом акте и посредством этого акта определенными отношениями сопричастности и зависимости* (курсив мой – П.Т.)» [1. С. 131].

Таким образом, миф стремится преодолеть Время, утверждая способность человека обратиться к трансцендентному (изначально находящемуся в своих основаниях в прошлом) в реальности профанного времени. В частности, это происходит посредством ритуала, в котором это «трансцендентное» становится элементом жизненного опыта человека, «люди становятся современниками подвигов, совершенных богами «во время оно». Бунт против необратимости времени позволяет человеку «конструировать реальность»» [11. С. 135]. Последнее замечание имеет принципиальное значение, поскольку дает основания для опровержения целого комплекса стереотипов, связанных с оценкой мифа как догматической формы мировоззрения, поскольку именно в преодолении Времени человек мифа, обращаясь к «парадигмальным» событиям «священного» времени, находит в них потенциал для творчества. Значимость «возвращения к истокам» в мифе заключается в сакральности события, лежащего в основании того или иного вида деятельности либо существования мира в целом. «Начала», прасобытия играют важную роль в качестве отправного пункта «тотального обновления Космоса, жизни и общества» [11. С. 41]. Возврат в точку первоначала не означает монотонного повторения того же самого цикла, а является импульсом для рождения нового, доселе не существовавшего положения вещей. Идея «золотого века», столь популярная не только в архаических обществах, но и в современном мире, в подоплеке базируется как раз на обращении к прошлому с целью его проекции в будущее.

И здесь обнаруживается корреляция стиля мышления мифа с логикой синергетического подхода, поскольку последний, утверждая идею необратимости, апеллирует к уникальности и разнообразию процессов самоорганизации [12]. Появление нового связано здесь с нелинейным характером таких процессов, при котором диссипативная система может вернуться к начальным условиям прежним путем, однако далее она будет развиваться по новой траектории [8. С. 163]. Для системы такие начальные условия играют роль очередной точки бифуркации, для которой в полной мере будут работать все ее качественные характеристики, включая и категорию случайности.

Таким образом, обращение к концепту события в логике настоящего исследования дает возможность постулировать его значимость как еще одной смысловой единицы, репрезентирующей эвристический потенциал корреляции мифа и современной постнеклассической модели науки, понимаемых в качестве дискурсивных практик, различных по своей природе, но комплиментарных в определенных модулах построения своих онтологий.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 280 с.
2. Стеблин-Каменский М.И. Пространство и время в эддических мифах // Либрусек. Электронная библиотека. 2006. URL: <http://lib.rus.ec/b/223854/read> (дата обращения: 04.11.2011).
3. Хюбнер К. Критика научного разума // Библиотека «Философия и атеизм». 2010. URL: <http://books.atheism.ru/philosophy/#h> (дата обращения: 21.10.2011).
4. Фуко М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. – 416 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
6. Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользкая граница // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 46–62.
7. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 224 с.
8. Черникова И.В. Философия и история науки. – Томск: НТЛ, 2001. – 352 с.
9. Можейко М.А. Синергетика // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – С. 677–687.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-традиция, 1999. – 390 с.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект; Парадигма, 2005. – 224 с.
12. Стёпин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.

Поступила 03.02.2012 г.